

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИСВОЕНИЕ ИЛИ РАСТРАТУ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

Мелентьева Анастасия Леонидовна

магистрант, Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), РФ, г. Киров

Травина Ирина Геннадьевна

научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминалистики Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), РФ, г. Киров

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW NORMS ON RESPONSIBILITY FOR THE APPROPRIATION OR EMBEZZLEMENT OF SOMEONE ELSE'S PROPERTY

Anastasia Melentyeva

Student of the Volgo-Vyatka Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Russia, Kirov

Irina Travina

*Scientific adviser, Ph.D. legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology Volga-Vyatka Institute (branch) **University named after O.E. Kutafina (MSAL), Russia, Kirov***

Аннотация. В статье рассмотрена специфика развития уголовной ответственности за присвоение или растрату. Подчеркнуто, что зарождение ответственности за присвоение или растрату произошло в Артикуле воинском 1715 г., поскольку до появления этого закона была предусмотрена ответственность лишь за утрату (неполный возврат), присвоение имущества, которое было вверено лицу на хранение под присягу.

Акцентируется внимание на то, что в большей степени уголовная ответственность за присвоение или растрату получило развитие в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., 1926 г. и первоначальной редакции 1960 г. содержалась норма об ответственности за хищение государственного либо общественного имущества, совершенное должностным лицом в форме присвоения либо растраты. Только после принятия Федерального закона от 01.07.1994 № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» была установлена ответственность за подобное деяние вне зависимости от того, к чьей собственности относилось имущество.

Авторами обоснован вывод, что развитие уголовной ответственности за присвоение или растрату прошло длительный путь. Вместе с тем в действующей ст. 160 Уголовного кодекса

Российской Федерации представлены все значимые ключевые признаки, характеризующие подобное деяние.

Abstract. The article considers the specifics of the development of criminal liability for appropriation and/ or embezzlement. It is emphasized that the origin of responsibility for appropriation or embezzlement occurred in the Military Article of 1715, since before the appearance of this law, responsibility was provided only for loss (incomplete return), appropriation of property that was entrusted to a person for storage under oath.

Attention is focused on the fact that to a greater extent criminal liability for appropriation or embezzlement was developed in the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845. The Criminal Code of the RSFSR of 1922, 1926 and the original version of 1960 contained a norm on liability for theft of state or public property committed by an official in the form of appropriation or embezzlement. Only after the adoption of Federal Law № 10-FZ dated 01.07.1994 «On Amendments and Additions to the Criminal Code of the RSFSR and the Code of Criminal Procedure of the RSFSR» responsibility for such an act was established, regardless of whose property the property belonged to.

The authors substantiate the conclusion that the development of criminal liability for embezzlement or embezzlement has gone a long way. At the same time, in the current Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation, all significant key signs characterizing such an act are presented.

Ключевые слова: присвоение; растрата; преступления против собственности; субъект преступления; уголовная ответственность.

Keywords: appropriation; embezzlement; crimes against property; the subject of the crime; criminal liability.

Рассмотрение исторического аспекта развития уголовной ответственности за то или иное деяние, в том числе и за некоторые преступления против собственности, позволяет проанализировать появление и развитие норм законодательства, направленных на охрану имущества от преступных посягательств, совершаемых в форме присвоения или растраты.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что преступления, связанные с собственностью, являются исторически свойственными развитию человечества. Именно они совершаются гораздо чаще по сравнению с иными деяниями. Преступления, посягающие на собственность в виде присвоения или растраты, представляют значительную общественную опасность, поскольку в результате этих форм хищения происходит кража имущества, вверенного собственником виновному лицу, используется доверие собственника.

Статистика осужденных по ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), согласно сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, показывает, что количество осужденных в 2016 г. составило 8 495 чел., в 2017 г. – 8 069, в 2018 г. – 7 230, в 2019 г. – 6 943, в 2020 г. – 5 745, в 2021 г. – 5 657, в 2022 г. – 5 721 чел. [15]. Таким образом, как видим, наблюдается снижение общего числа преступлений. Между тем подобные правонарушения характеризуются высокой латентностью в силу того, что не каждый потерпевший обращается с заявлением в правоохранительные органы о совершении в отношении него подобного деяния.

В ст. 8 Конституции Российской Федерации отражено: «В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности». А в ст. 2 УК РФ прописывается одна из задач УК РФ – это охрана собственности.

Кроме того, как показал анализ юридической литературы и судебной практики, в настоящее время обнаруживается достаточное число неточностей в содержании ст. 160 УК РФ. Это

приводит к дискуссии среди ученых, а также к проблемам в судебной практике. В частности, относительно признаков квалифицированного состава присутствует полемика по следующему вопросу: «Имущество должно быть вверено всем соисполнителям либо только одному из них?»

Вследствие этого считаем целесообразным рассмотреть генезис уголовной ответственности за присвоение или растрату.

Как свидетельствует анализ научной литературы по юриспруденции, изучение правового опыта способствует заимствованию в том числе и исторического опыта при технико-юридическом изложении и совершенствовании тех или иных норм УК РФ. Так, непосредственно приступая к описанию законов России, можем отметить, что Русская Правда известна в двух редакциях – Краткой и Пространной. При анализе норм этих редакций Русской Правды особое внимание следует обратить на Пространную редакцию. Это обусловлено тем, что именно в ней отражаются рассматриваемые нами деяния (например, нормы, посвященные обязательственному праву). Так, если купец выдавал кому-либо денежные средства, но обратно их не получал, то он мог вернуть их в судебном порядке, достаточно было свои показания заверить клятвой (ст. 48). А вот иные лица, выдавшие долг и не получившие его обратно, в течение длительного времени должны были в суде заверять свои показания с помощью свидетелей (ст. 47).

В свою очередь, ст. 49 содержала ответственность за неполный возврат имущества со стороны виновного собственнику, между которыми заключался договор, связанный с передачей имущества на хранение. В суде для оправдания себя хранителю достаточно было принести присягу, так как договор между лицами был безвозмезден. В силу этого хранение рассматривалось как дружественный шаг.

Таким образом, данные нормы Пространной редакции Русской Правды в некоторой степени внешне напоминают анализируемые нами деяния, посягающие на собственность. Однако в значительной части они были связаны с процессуальным законодательством.

Следующий период отечественной истории характеризуется феодальной раздробленностью. Соответственно, законы тогда принимались в каждом княжестве. Особо обратим внимание на такие нормативные акты, как Псковская и Новгородская Судные грамоты. В значительной степени уголовно-правовые нормы, направленные на охрану собственности, были предусмотрены в Псковской Судной грамоте, но в них не отражались рассматриваемые нами формы хищения.

С учетом объединения земель вокруг Москвы возникла необходимость принятия единого закона, который урегулировал бы ряд правоотношений. Таким актом стал Судебник 1497 г. В нем нашла отражение ответственность за растрату либо потерю чужого имущества в зависимости от наличия умысла или неосторожности. К примеру, если невозвращение долга либо потеря имущества произошли в силу неправомерных действий ответчика, то наказание ему назначалось с учетом мнения кредиторов (ст. 55).

Таким образом, Судебник 1497 г., в отличие от Пространной редакции Русской Правды, предусматривал наличие умысла у лица, совершившего растрату либо потерю имущества, данного ему со стороны кредитора, а также при назначении ответственности бралось во внимание и мнение кредиторов, что являлось значительным шагом вперед по сравнению с предыдущими нормами.

При Иване IV в 1550 г. был принят новый Судебник. Анализ его норм позволяет сделать вывод, что в нем не были отражены деяния, связанные с рассматриваемыми нами формами хищения.

Следующим законом, содержащим в том числе и уголовно-правовые нормы, стало Соборное уложение 1649 г., которое было принято в период царствования Алексея Михайловича. Данный свод законов в истории нашей страны является уникальным, так как в нем, в отличие от всех иных законодательных актов, были выделены главы, посвященные регулированию конкретных общественных отношений.

Так, мы находим в нем развитие нормы Пространной редакции Русской Правды об ответственности хранителя перед собственником. Ранее вышеуказанная ответственность была основана на доверии, в Соборном уложении отношения были заменены на формальные. Отныне хранитель отвечал за содержащуюся у него вещь независимо от того, присвоил он ее или совершил по отношению к ней какие-либо иные противоправные действия. Разрешение спора при этом происходило с помощью присяги. Однако не совсем было ясно, как выяснить, точно ли виновен хранитель, если обе стороны будут клясться в своей правоте. Русская Правда четко прописывала, что присяга хранителя выступала окончательным аргументом для разрешения спора (ст. 195 гл. X «О суде») [5].

При царствовании Петра I в 1715 г. был принят «Артикул воинский», который действовал одновременно с Соборным уложением. Данные законы функционировали почти до второй половины XIX в.

С точки зрения преступлений, посягающих на собственность, является примечательным «Артикул воинский», так как именно в нем они получили развитие. Так, в гл. 21 «О зажигании, грабительстве и воровстве» в артикуле 193 была отражена ответственность за присвоение (утаивание) вещи, отданной собственником на сохранение. В результате виновному лицу (вору) с учетом всех обстоятельств дела и цены вверенного ему имущества назначалось соответствующее наказание (какое именно, в этом артикуле не предусматривалось). В артикуле 194 регламентировалась ответственность за растрату денег, полученных от его величества либо государства. Наказанием за растрату была смертная казнь. Кроме того, данной мере государственного принуждения подвергались лица, которым было известно о совершении этого преступления, но они никого не уведомили.

Отметим, что «Артикул воинский» содержал ответственность в форме, наиболее приближенной к современному пониманию субъекта преступления за растрату денег, вверенных от главы государства. До принятия данного документа наказание за подобное деяние было применимо за присвоение (растрату) имущества, находящегося под арестом в рамках судопроизводства.

При Николае I в 1845 г. было принято «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». В нем получило дальнейшее развитие противодействие формам хищения, выраженным в присвоении и растрате. Однако, как показывает анализ уголовно-правовых норм, направленных на охрану собственности от подобного посягательства, эти преступления могли быть совершены только лицами, занимающими должностное положение, т. е. состоящими на государственной либо общественной службе.

Вместе с тем изучаемое Уложение впервые в истории отечественного права охраняло детей от злоупотреблений в отношении их имущества со стороны родителей, а также опекунов и попечителей [12]. Таким образом, Уложение 1845 г. расширило перечень деяний, связанных с охраной собственности от присвоения или растраты.

В 1903 г. был принят закон под названием «Уголовное уложение». В гл. 31 «О необъявлении о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием» ст. 572 содержала в себе ответственность за умышленное обращение вверенного имущества в свою пользу или его растрату. Статья 574 регламентировала ответственность за присвоение вверенного виновному чужого движимого имущества.

Можно сказать, что данное Уложение, в отличие от предыдущих законов, основывалось только на том, что собственник вверял виновному лицу имущество, а тот присваивал либо растрачивал его. В таком случае подразумевалась уголовная ответственность независимо от служебного и иного положения.

Далее в истории российского государства произошла Октябрьская революция 1917 г., которая привела к изменению всех общественных и политических институтов. Так, с утверждением новой власти в России были со временем упразднены все нормы Уложения

1845 г. Был принят первый УК РСФСР, в котором в ст. 113 была отражена ответственность за присвоение именно должностным лицом денег и иных ценностей, вверенных лицу в силу

занимаемого им служебного положения.

При этом в ст. 185 содержалась ответственность за присвоение или растрату имущества, вверенного частному лицу. А в ст. 186 указывалась ответственность за совершение того же деяния, что и в ст. 186, но должностным лицом.

УК РСФСР 1922 г. дифференцировал ответственность в зависимости от того, кем происходит присвоение или растрата вверенного собственником имущества.

В 1926 г. был принят новый УК РСФСР. Анализ его уголовно-правовых норм позволяет сделать вывод, что в значительной части отсутствуют расхождения по регламентации ответственности за присвоение или растрату с предыдущим УК РСФСР 1922 г.

В 1960 г. был принят последний в истории СССР УК РСФСР. Рассматривая ответственность за совершение присвоения или растраты имущества, уделим внимание его первоначальной редакции, которая действовала по завершению юридической силы данного уголовного закона. Так как именно в этот период действия УК РСФСР менялись общественные и государственные институты в стране, это повлияло на вносимые в него нововведения, направленные на охрану тех или иных общественных отношений.

Так, в первоначальной редакции указанного УК РСФСР предусматривалась ответственность за хищение государственного либо общественного имущества, совершенное должностным лицом в форме присвоения либо растраты (ст. 92).

В последующем, с учетом принятого Федерального закона от 01.07.1994 № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», гл. 2 УК РСФСР, в которой была отражена и ст. 92, была исключена из уголовного закона. Но при этом данным Федеральным законом от 01.07.1994 № 10-ФЗ было криминализовано деяние, сопряженное с присвоением либо растратой имущества, вверенного виновному лицу. А в ст. 185 УК РСФСР 1960 г. с учетом ряда вносимых в нее изменений отражалась ответственность за растрату и иное отчуждение либо сокрытие имущества, подлежащего конфискации.

Таким образом, можем подчеркнуть, что УК РСФСР 1960 г. первоначально отказался от охраны собственности в рамках совершения в отношении нее присвоения или растраты, но затем вернулся к охране имущества, больше не отражая отдельную норму, направленную на совершение данных двух форм хищений должностными лицами. Кроме того, впервые в истории отечественного уголовного законодательства была отражена ответственность за совершение противоправных действий в отношении имущества, подлежащего конфискации.

Подводя итоги, следует отметить, что противодействие присвоению или растрате началось с Пространной редакции Русской Правды, но в большей части они являлись процессуальными нормами. В последующем развитие этих форм хищений имущества получило свое развитие в Судебнике 1497 г., Соборном уложении 1649 г. и «Артикуле воинском» 1715 г. Однако на основе анализа ст. 383, 384, 388, 2082 и 2192 можем констатировать, что была более дифференцировано (в зависимости от субъекта, совершающего присвоение или растрату) отражена ответственность за рассматриваемое нами преступление в первоначальной редакции «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных». Кроме того, ответственность за присвоение или растрату была предусмотрена и в «Уголовном уложении» 1903 г. Вскоре со сменой государственной власти путем произошедшей Октябрьской революции данные формы хищения были отражены с позиции охраны собственности государственного либо общественного имущества в УК РСФСР 1922 г., 1926 г. и 1960 г.

Вместе с тем относительно субъектов данных преступлений в значительный исторический период времени происходила конкретизация деяний. Поэтому полагаем, что целесообразно и в настоящее время в ст. 160 УК РФ считать, что при соисполнительстве похищаемое имущество должно быть вверено всем исполнителям.

В целом можем констатировать, что современный отечественный законодатель с учетом наиболее совершенных юридических представлений в исторических уголовных законах

России в диспозиции ст. 160 УК РФ указал все основополагающие признаки, характеризующие деяние, сопряженное с присвоением или растратой.

Список литературы:

1. Артикул воинский 1715 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1986. Т. 4. С. 327–365.
2. Пространная редакция. Суд Ярославль Володимерич. Правда Русьская // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. Т. 1. С. 64–73.
3. Псковская Судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. Т. 1. С. 331–342.
4. Новгородская Судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. Т. 1. С. 304–308.
5. Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Акты Земских соборов. М.: Юридическая литература, 1985. Т. 3. С. 83–257.
6. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. Т. 2. С. 54–62.
7. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1985. Т. 2. С. 97–120.
8. Уголовное уложение 1903 г. // Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1905. Собрание III. Отд. 1. 1903. Т. XXIII. С. 177–274.
9. Уголовный кодекс РСФСР от 01.06.1922 // Собр. узаконений РСФСР. 1922. № 15, ст. 153
10. Уголовный кодекс РСФСР от 22.11.1926 // Собр. узаконений РСФСР. 1926. № 80, ст. 600.
11. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1845. 922 с.
13. Белокуров О.В. Проблемы квалификации хищения вверенного имущества: монография. Ульяновск: Ульян. гос. ун-т, 2003. 116 с.
14. Волженкин Б.В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. 2000. № 1. С. 12–16.
15. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 09.10.2023).